

0127

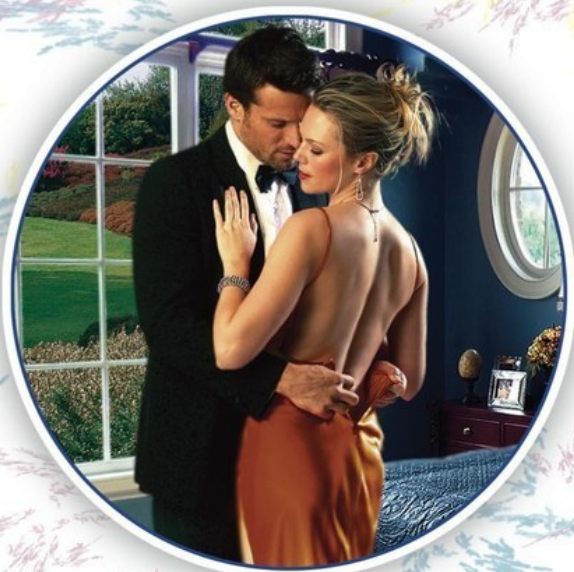


ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

*Джулия Джеймс*

# В ПЛЕНУ СТРАСТЕЙ



*Подари себе мечту*

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

**Джулия Джеймс**  
**В плену страстей**  
Серия «Любовный роман  
– Harlequin», книга 127

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=2901525](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2901525)*  
*В плену страстей: роман: Центрполиграф; Москва; 2011*  
*ISBN 978-5-227-03120-4*

**Аннотация**

Художница Алекса Харкорт получает заказ – написать портрет главы мировой финансовой корпорации Гая де Рошмона. Алекса влюбляется в неотразимого финансиста, но их роману не суждено длиться вечно – Гай вынужден вступить в брак по расчету. Сможет ли Алекса забыть свою любовь и начать новую жизнь без Гая?

# Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	47

# Джулия Джеймс

## В плену страстей

### *Роман*

## Пролог

Неяркое осеннее солнце светило в кухонное окно квартиры Алексы в Ноттинг-Хилл<sup>1</sup>. Полированный столик был накрыт для завтрака на двоих. Простые, но изящные тарелки и чашки кремового фарфора и серебряные приборы Алекса тщательно подбирала по частям в антикварных магазинах. Стол украшала стеклянная ваза с броскими цветами, вкусно пахло свежемолотым кофе.

Но в воздухе повисло напряжение. Никакого предчувствия у нее не было. До сего момента настроение было прекрасное – от занятий любовью сразу после пробуждения она находилась в приятной истоме. Чувство глубокого удовлетворения обычно не покидало ее целый день, даже если вечером ей приходилось ложиться спать в одиночестве.

Но она успела к этому привыкнуть. Привыкла после ночи, наполненной чувственными наслаждениями, о существовании которых она раньше и не подозревала, но вскоре свык-

---

<sup>1</sup> Ноттинг-Хилл – район в западной части Лондона. (Здесь и далее примеч. пер.)

лась с этими плотскими радостями, — может последовать полное воздержание.

Алекса стояла у стола с кофейником в руке, в бледно-зеленом шелковом пеньюаре, одетом на голое тело. Длинные, еще не причесанные после сна волнистые волосы спускались на спину. Она прерывисто выдохнула, вспоминая то ощущение чуда, которое поглотило ее словно цунами.

Алекса никогда не показывала своих чувств. Страсть? Да, она предавалась страсти, но чувства оставались глубоко внутри.

Она принимала как должное то, что должна была принять, — сейчас у нее есть счастье, но только сейчас. Эти короткие бесценные часы, когда она сгорает от накала страстей, преобразивших ее жизнь. Сила, которой невозможно сопротивляться, несла ее вперед, помогая преодолеть дни и ночи одиночества. Только бы услышать телефонный звонок... И тогда все уходило на задний план, становилось второстепенным, неважным и неуместным: друзья, работа, вся ее жизнь.

И вдруг на одну ночь — возможно, на две, очень редко на более долгий срок — по телефонному звонку она отправлялась на частный аэродром, где личный самолет уже спустя час доставлял ее в какой-нибудь город на континенте. Или — что бывало совсем редко — на итальянскую виллу, или в Альпы, где можно кататься на лыжах, или в пентхаус в Монако. И там она предавалась очарованию момента, пусть этот

момент краток и преходящ.

Неужели она поступала опрометчиво, глупо и импульсивно? Конечно! Она знала, что это так. Ей это подсказывали остатки здравого смысла. Здравый смысл, который должен был смирить, унять накал чувств. Тех чувств, которые сейчас сжигали не только ее повседневную жизнь, но и творчество.

Здравый смысл всегда помогал ей выглядеть сдержанной и хладнокровной. Такой ее воспринимали окружающие. И она старательно поддерживала этот имидж. Лишь несколько друзей в необузданном мире искусства знали, что ее видимая отстраненность и спокойствие на самом деле скрывают внутреннюю пылкость, которую она вкладывает в картины. Эти картины она рисует для себя, а не на продажу. Остальные люди видели невозмутимую красавицу, белокурую, с шелковистыми волосами, – этакую неяркую английскую розу. Мало кто догадывался о том, что глубоко внутри ее горит огонь.

Родители Алексы совершенно не ожидали того, что единственный ребенок оказался художественно одаренным. Это проявилось еще в школе, и родители не препятствовали наклонностям дочери, но Алекса всегда ощущала, что их это немного удивляло. Для рафинированных интеллигентов искусство ассоциировалось с бурными страстями, взрывами эмоций и, что всего хуже, с беспорядочной жизнью.

Возможно, поэтому – и чтобы успокоить родителей – Алекса постаралась стать совсем непохожей на взбалмошных художников. Ей нравилось упорядоченное, спокойное

существование. Внешне она всегда выглядела сдержанной и не выказывала своих эмоций. Бесстрастная, воспитанная. Для нее это было естественным состоянием. После окончания художественной школы она начала профессиональную карьеру, и ее работа протекала так же гладко, как и личная жизнь.

Что касается мужчин... Она привлекала их неброской красотой, они появлялись и исчезали, потому что они – и Алекса знала, отчего это происходит – мало для нее значили.

Объяснив себе эту причину, она ограничилась обществом нескольких молодых людей, с которыми приятно было сходиться в театр, на концерт или на художественную выставку. Чувств ее эти парни не затрагивали, а физически... Ни один из них не разжег ее сексуальность.

Ни один, кроме мужчины, который стоял в дверях. Мужчины, одного взгляда на которого достаточно, чтобы перехватило дыхание и участился пульс. И так было каждый раз, стоило ей посмотреть на него.

Как сейчас.

Он стоял, довлея над пространством. Вот так же он довлел над ее разумом. Он был высок – метр восемьдесят ростом, – мускулистый, гибкий, одетый в безукоризненный светло-серый костюм от дизайнера. Он обладал врожденной элегантностью, а свою мужественность он унаследовал от небританских предков.

Французская фамилия досталась Гаю де Рошмону в на-

следство вместе с панъевропейским банкирским домом «Рошмон-Лоренц» – олицетворением богатства, престижа и власти.

И вот теперь глаза с необычно длинными ресницами, от взгляда которых Алекса таяла как воск, были устремлены на нее. Как и прежде, она ощутила их силу, но впервые что-то еще, от чего воздух между ними завибрировал от напряжения и стал осязаем, как натянутая струна.

Она застыла с кофейником в руке, глядя, как он входит в залитую солнцем кухню. Кухня вдруг сделалась не такой светлой, и солнечные лучи уже не были теплыми. Казалось, что напряжение длится вечно, хотя сердце Алексы успело стукнуть всего один раз.

Наконец он заговорил:

– Мне нужно кое-что тебе сказать.

Гай говорил по-английски почти без акцента, с едва заметными иностранными интонациями французского, итальянского, немецкого, да любого из полудюжины языков, на которых он с детства привык разговаривать, общаясь со своими многоязычными родственниками. Его голос прозвучал отрывисто, и Алекса почувствовала внутреннюю дрожь, ей стало страшно. Она не могла точно определить, что это за ощущение, не хотела признавать, что ей страшно, потому что если поддаться этому страху, то он может ее уничтожить. Так бывает, когда знаешь, что нельзя открывать одну дверь.

Те слова, которые он сейчас произнес, прозвучали отку-



да-то издалека. Его сдержанная манера, отрывистый тон сказали ей намного больше, чем слова, хотя каждый слог был подобен скальпелю, врезавшемуся в голое тело.

– Я собираюсь жениться, – сказал Гай де Рошмон.

Алекса стояла не двигаясь.

«Как изваяние», – подумал он. Она похожа сейчас на статую и держит в руке кофейник, словно греческую амфору. Какие странные мысли лезут в голову! Наверное, это оттого, что он прилагает невероятные усилия, чтобы сохранить самообладание.

Он тоже застыл. Во всяком случае, застыл его ум. Он вошел на кухню, зная, что он должен сказать. Зная, что это неизбежно. Двусмысленность исключена. Это ему абсолютно очевидно. «А ей?» – пролетело в мозгу.

Он внимательно смотрел на Алексу. Она по-прежнему стояла неподвижно, словно ноги у нее приросли к полу. В ее глазах, блестящих и ясных, глазах, которые заворожили его с первой встречи, ничего не отразилось. А ее лицо... Даже при его придиричивом отношении к женской внешности, ее лицо было безупречно. И не только лицо. У нее пленительная, стройная фигура. Она сразу притянула его взор и возбудила интерес. А свой интерес к противоположному полу он привык незамедлительно удовлетворять. Некоторые женщины, заметив, что они ему небезразличны, начинали с ним бесполезные игры, чтобы, как им казалось, поощрить его ухажив-

вание или – что еще более самонадеянно – использовать знаки внимания с его стороны в своих целях.

Но Алекса – к его глубокому удовлетворению – не сделала ни малейшей попытки манипулировать им. С первой же встречи она не показалось ему ни лицемерной недотрогой, ни скромницей, ни кокеткой. И даже когда он все-таки обольстил ее и их связь стала развиваться, она, не колеблясь, приняла те условия, на которых зиждились их отношения, и без всяких возражений согласилась с ними.

Согласилась со всем, чего он хотел. С самой первой ночи... той незабываемой ночи.

Памятные моменты вспышкой пронесли в мозгу. Вот так пламя бежит по сухому подлеску. Он заставил себя не думать об этом. Это пламя надо потушить... надолго потушить. И это ему удалось – помогла привычка к самодисциплине. Сейчас не время для воспоминаний – сейчас время для ясности.

Даже если это прозвучит жестоко.

Ему необходима ясность. Не только для нее, но и для себя самого. Чтобы все было кристально ясным...

Она все еще стояла замерев. Как же невыносимо тяжело это видеть!

Пора.

Холодные и отрывистые слова упали в пропасть, образовавшуюся между ними.

– Я не буду больше видеться с тобой, Алекса.

И снова на долю секунды время застыло, сделалось безмерным. Потом, словно возобновился показ кинофильма, она неторопливым, грациозным жестом поставила кофейник на жаропрочную подставку. Нажав на клапан, она подождала, пока осядет гуща, затем аккуратно наполнила кофе кремовую фарфоровую чашку. Тем же изящным движением она взяла чашку с блюдцем и протянула мужчине, стоявшему так близко от нее.

И так далеко.

– Конечно, – ответила она. Ее голос прозвучал спокойно и негромко. – *C'est bien entendu*<sup>2</sup>. Я правильно сказала по-французски? – Она произнесла это таким тоном, как будто не произошло ничего особенного. – Ты выпьешь кофе, прежде чем уйдешь?

Ее лицо бесстрастно.

Она не позволит, чтобы по ее лицу можно было догадаться, что она чувствует.

Кофейная чашка в руке не дрогнула. Никакой дрожи. Алекса вдохнула запах кофе. Она не сводила глаз с его лица. Она смотрела на него так, словно он произнес что-то приятное либо ничего не значащее.

Он не взял чашку. Что он думал? Понять по его лицу было невозможно. Но она и не пыталась понять. Для нее сейчас главное – не уронить чашку и не отводить глаз.

---

<sup>2</sup> Конечно, само собой разумеется (*фр.*).

Алекса медленно опустила чашку на стол. Она продолжала смотреть на него, но в ее глазах можно было прочесть только одно – вежливое внимание.

– Надеюсь, ты позволишь мне пожелать тебе счастья в предстоящем браке, – сказала она. Ее голос был так же тверд, как и взгляд.

Она плавной походкой прошла к двери, давая понять, что ей ясно – он сейчас должен уйти. Кофе не тронут, то, что он хотел ей сказать, он сказал. Она даже не задержалась, чтобы посмотреть, идет ли он за ней, – просто неторопливо шла к входной двери по узкому коридору, изящная и спокойная. Шелковый пеньюар слегка развевался вокруг голых ног.

Алекса слышала его шаги у себя за спиной. Она открыла задвижки на двери, что было совершенно необходимо иметь в лондонской квартире, даже в тихом, усаженном деревьями районе, где она жила. Отстранившись, она распахнула дверь. Он шагнул вперед, на секунду остановился и посмотрел на нее. По его лицу по-прежнему ничего нельзя было понять.

Потом... потом он произнес:

– Спасибо.

Алекса знала, что он благодарит ее не за поздравление. Он благодарит ее за кое-что большее. За то, что он ценит намного больше. За то, что она без слов приняла сказанное им.

Он продолжал смотреть на нее:

– У нас все было хорошо, *non*?

Он лаконичен до конца. И она тоже.

– Да, было хорошо. – Она подалась вперед и легонько коснулась губами его щеки.

– Я желаю тебе всего хорошего.

Она отодвинулась от него и сказала в ответ:

– Прощай, Гай.

В последний раз она смотрела в его глаза. А он, кивнув на прощание, вышел из квартиры.

И из ее жизни.

Она не стала смотреть, как он уходит, и закрыла дверь. Казалось, что дверь тяжелая и неподъемная. Потом Алекса прислонилась к двери и пустым взором уставилась в стену. Было совсем тихо. Никаких звуков. Даже звука его шагов на лестнице не слышно.

Гай ушел. Все кончено. Медленно, очень медленно пальцы сжались и впились глубоко в ладони.

Машина Гая ждала его на обочине тротуара. Одеваясь, он позвонил водителю, так как знал, что уедет сразу же после разговора с Алексой. Гай долго откладывал объяснение. Но дальше молчать было невозможно. Он сбегал по каменным ступеням, ведущим от парадной двери дома Алексы, где она занимала квартиру на верхнем этаже, на улицу. Шофер, увидев его, обошел машину и открыл заднюю дверцу. Гай сел и откинулся на мягкое кожаное сиденье.

Итак, дело сделано. Алекса больше не вернется в его

жизнь.

Он протянул руку и взял аккуратно сложенную газету «Файнэншл таймс», предусмотрительно положенную шофером, и начал читать. Выражение его лица оставалось все таким же холодным и невозмутимым. И глаза тоже были холодными и равнодушными.

Он не позволит себе никаких эмоций.

Алекса убиралась в ванной. Ей следовало заняться рисованием, но она не могла себя заставить, хотя пыталась: смешала краски, натянула новый холст, окунула кисть в краску и поднесла к холсту.

Но дальше дело не продвинулось. Рука застыла в воздухе. Алекса рывком опустила руку, стряхнула краску и положила кисточку в баночку со скипидаром. Какое-то время она невидящим взором смотрела на холст, потом развернулась и вышла из мастерской.

На кухне она включила чайник, но сил приготовить себе чашку чаю или кофе не было. Даже налить стакан воды из-под крана не было сил. Немного подождав, она пошла в ванную.

Оглядевшись, она решила, что ванну нужно вымыть. После ванны она переключилась на раковину, затем на унитаз, а потом дело дошло до полочек и стен. Алекса ожесточенно терла губкой с пенящимся чистящим средством все поверхности. Терла до изнеможения.

И все это время в голове неотступно стучало. Ощущение было такое, словно ее мозг бомбардируют стайки стрекоз, стремительно пролетающих над прудом. Их радужные крылышки блестят на солнце и слепят ее.

Она знала, что это за стрекозы. Это ее воспоминания. Очень много воспоминаний. Они пронзают ей голову. Обрывки мыслей бегут с бешеной скоростью. Они острые как ножи и уносят ее в прошлое.

# Глава 1

Полгода назад.

– Дорогая! Ты не представляешь, кого я тебе откопала!

Восторженный голос Имоджен едва не оглушил Алексу. Она прижала трубку ухом к плечу, стараясь как можно точнее уловить отблески света, падавшего на лепесток цветка.

– Алекса? Ты меня слышишь? Ты слышишь, что я сказала? Ты ни за что не поверишь, кто...

Алекса знала, что если Имоджен что-то вбила себе в голову, ее не остановить. Впрочем, ее ведь тоже не заставить говорить по телефону, когда она рисует. Исключение – ее подруга и менеджер.

– И кто это? – Алекса знала, что Имоджен жаждет, чтобы ее спросили об этом и умирает от желания ответить.

– Он совершенно потрясающий! Он ни в какое сравнение не идет ни с кем.

В телефоне слышался экзальтированный вздох.

«Что там еще задумала эта неугомонная?» – подумала Алекса, продолжая рисовать и рассеянно прислушиваясь к восторженному разглагольствованию Имоджен. Имоджен отличалась способностью фонтанировать идеи, и Алекса привыкла не обращать на это внимания.

Наконец голос в телефоне замолк, но спустя секунду снова слышалось нетерпеливое:



– Ну? Ты рада?

– Чему? – не поняла Алекса.

У нее в ухе раздался раздраженный вздох.

– Милочка, пожалуйста, послушай! Отложи кисть хоть на минуту. Клянусь, что даже тебя это заинтересует. Звонил Гай де Рошмон! Ну, не сам он, конечно, но его лондонская личная помощница. – Имоджен замолкла, надеясь на возмущенную реакцию. – Скажи, что ты потрясена. Скажи... – Имоджен перешла на злобный шепот, – что у тебя поджилки трясутся.

Алекса нахмурилась:

– Поджилки трясутся? Почему?

Последовал тяжелый вздох.

– Алекса, прекрати изображать передо мной непреступную ледышку! Я тебе не бойфренд. И с Гаем де Рошмоном у тебя этот номер тоже не пройдет, учти. От него ты упадешь в обморок, как все остальные женщины.

– А я должна знать, что он за парень? – снова не поняла Алекса.

Имоджен заливисто расхохоталась.

– Милая моя, это игра слов! По-английски его имя звучит как Гай<sup>3</sup>, но он, разумеется, француз – ну, почти француз, – поэтому оно произносится как Ги. Звучит более сексуально.

Алекса, не желая попусту тратить время, прекратила эту не совсем понятную тираду:

---

<sup>3</sup> По-английски «гай» – парень.

– Имоджен! Кто он и почему ты на нем помешалась? Что ты конкретно пытаешься мне вдолбить?

Имоджен едва не задохнулась от удивления.

– Ты ни разу не слышала о Гае де Рошмоне?! Да он красуется во всех шикарных журналах! Он трижды попадал в список самых-самых классных особ!

– Я не читаю такие журналы, – ответила Алекса. – Они печатают всякий вздор.

– Ой-ой, только посмотрите на нее. Какие мы гордые! – поддела ее Имоджен. – Если бы твоя чистая художественная натура снизошла до подобной ерунды, то ты знала бы, о ком я говорю и почему. Послушай, даже на той недостижимой высоте, где ты пребываешь, до тебя наверняка дошли слухи о «Рошмон-Лоренц»?

Кое-что Алекса действительно слышала.

– Сказочно богатая и древняя банкирская фирма?

– Да, это они! Одна из самых влиятельных финансовых династий в Европе. Они купаются в деньгах уже двести лет, – трещала Имоджен. – Они финансировали промышленную революцию и торговлю в колониях. Они благополучно пережили обе мировых войны, не говоря уже о холодной войне. Вероятно, потому, что имели семейные связи во всех противоборствующих странах. А сейчас они вознеслись еще выше, невзирая на кризис. И во многом благодаря Гаю де Рошмону. Он восходящая звезда этого банкирского дома в двадцать первом веке. Весь обширный клан просто пускает

слюни, восторгаясь им, потому что он гребет для них деньги. – Имоджен перешла на хриплый шепот. – Держу пари, что больше всех умиляются женщины в этой многочисленной семейке. Да и за ее пределами тоже! Я сама почти сюсюкала в телефон, а разговаривала всего-то с его помощницей.

Алекса продолжала оставаться безучастной. Имоджен явно была потрясена этим парнем Гаем, кем бы он ни был, но Алекса действительно ничего о нем не слышала.

– Имми, в чем же все-таки дело? – спросила она.

– А дело в том, моя дорогая, что он хочет, чтобы ты его рисовала! – театрально проворковала Имоджен. – И если он станет тебе позировать, то у тебя, моя ненаглядная, появится шанс общаться со сказочными людьми, птицами высокого полета. Они напыщенны, как павлины, и будут передавать тебя друг другу. Предложения так и посыплются!

Алекса скорчила гримасу. Идея с портретной живописью принадлежала Имоджен. Когда несколько лет назад они обе окончили художественный колледж, подруга без обиняков заявила, что живописца из нее не получится и поэтому она займется менеджментом.

– И ты будешь моим первым проектом! – весело объявила она Алексе. – Я помогу тебе заработать кучу денег. Вот увидишь! Ты не будешь прозябать на задворках – обещаю!

Алекса не сразу согласилась на это.

– Я не стремлюсь делать деньги из живописи, – ответила она.

– Что ж, не все из нас могут себе позволить быть такой гордой, – с осуждением в голосе сказала Имоджен. Но, увидев боль, промелькнувшую в глазах Алексы, тут же спохватилась и кинулась обнимать подругу. – Прости. Мой язык иногда... Простила?

Алекса кивнула и в ответ обняла Имоджен, зная, что та ляпнула, не подумав.

Семья Имоджен – большая, шумная и добросердечная – приютила Алексу во время того первого, ужасного семестра в школе, когда ее родители разбились в авиакатастрофе, возвращаясь из отпуска. Имоджен и ее семья помогли Алексе пережить страшное горе. И не только это – они помогли ей практическими советами, как распорядиться состоянием, доставшимся после смерти родителей. Больших денег у нее не оказалось, но разумно вложенная сумма позволила Алексе купить квартиру, оплатить обучение и содержать себя. Этот небольшой доход давал ей возможность не зависеть только от карьеры художника.

Тем не менее Имоджен твердо решила, что у ее подруги должны быть честолюбивые помыслы.

– С такой внешностью, как у тебя, успех обеспечен! – восторженно заявила она.

– Я-то думала, что дело в том, хороший я художник или нет, – сухо ответила Алекса.

– Да, конечно. Это само собой. Но послушай – мы же знаем, что управляет миром. А красота точно заставит мир по-

вернуться в твою сторону. Внешность в рекламе не нужна.

Но Алекса была непреклонна. Она не признавала показного блеска, пестроты, безвкусицы и легковесности в художественном творчестве. Хотя ей было трудно определить, чего она точно хотела. Ее привлекали различные художественные стили и направления, она была эклектиком в своем творчестве и полностью погружалась в работу, которой занималась в данный момент. Следующая работа могла быть совершенно иной, но это ей нисколько не мешало. Она еще не определилась, какому жанру живописи хочет себя посвятить.

Вот поэтому она позволила Имоджен стать ее агентом, когда та сказала, что у Алексы явная склонность к портретной живописи – Алекса нарисовала портреты членов семьи Имоджен в знак благодарности за их доброту. Имоджен была в восторге и сказала, что Алекса просто обязана стать портретистом. Поэтому, когда Имоджен с трудом удалось получить пару заказов, Алекса смирилась с амбициозными проектами подружки-агента. Спустя четыре года все хлопоты полностью окупились – в материальном плане, во всяком случае, поскольку стараниями Имоджен все клиенты были люди весьма обеспеченные.

Наверное, у нее действительно проявились способности писать портреты, потому что она обладала душевным благородством, которое помогало ей подчеркнуть лучшие ка-

чества заказчиков. А это было нелегко: эти люди, пожилые и дородные, обладали не очень-то располагающей внешностью. Но Алексе нравилось отображать острый ум, проницательность либо просто силу характера, благодаря которой они достигли в жизни многого и поднялись на верхнюю ступеньку служебной лестницы.

Вот почему Алексе не увлекла перспектива рисовать Гая де Рошмона. Судя по словам Имоджен, это богатый плебей, занятый тем, что разъезжает по всему миру, чтобы увеличить унаследованное состояние. Скорее всего, он типичный избалованный и самодовольный отпрыск мультимиллионеров. Противно даже вспоминать, как Имоджен млела от счастья! И все потому, что у него репутация сексуально неотразимого мужчины. Богатый, самовлюбленный, тщеславный и сексуальный. Воистину королевский набор достоинств.

Через несколько дней она утвердилась в своем мнении. Имоджен как полоумная из кожи вон лезла, чтобы уладить все формальности, но встреча с легендарным Гаем де Рошмоном была отложена в последний момент по телефону.

Холодный и безразличный голос личной помощницы дал понять Алексе, что она несколько не лучше сотни прихлебателей, которые добиваются визитов к такому богачу, как Гай де Рошмон.

Алекса разозлилась, так что когда спустя два часа позвонила Имоджен и с придыханием спросила: «Ну как все прошло? Он живьем еще более потрясающий, чем на фотогра-

фиях?» – Алекса ледяным тоном сказала:

– Понятия не имею. Мой визит был отменен.

Имоджен тут же начала ее успокаивать:

– Милочка, он ведь ужасно занят. Он может в одну минуту сорваться с места. Но его помощница все равно гадина. А на какое время вы с ней договорились?

– Не знаю и знать не хочу, – отрезала Алекса.

– Если бы ты только знала, чего мне стоило добиться встречи с ним! – завопила Имоджен. – Мне придется снова подлизываться к этой корове помощнице, умасливать ее, чтобы договорится о новой встрече.

Через десять минут перезвонила ликующая Имоджен:

– Полный успех! Он завтра вечером обедает в «Ле Мирей» и согласился встретиться с тобой до обеда в баре без четверти восемь. Ой, это почти свидание! – Слова лились нескончаемым потоком. – Интересно, ты его очаруешь своей красотой? Ты ведь у нас английская роза, и он наверняка потеряет голову. *Coup de foudre*?<sup>4</sup> Ты должна выглядеть сногшибательно. Уж постарайся!

Чтобы подругу не хватил удар, Алекса постаралась не попасться ей на глаза, когда с большой неохотой отправилась на следующий день в ультрамодный бар. Едва войдя в помещение, она подумала: «Как хорошо, что я оделась именно так, а не иначе». Наряд каждой женщины буквально кричал: «Посмотри на меня!» Алекса была уверена, что серая блузка

---

<sup>4</sup> Любовь с первого взгляда (*фр.*).

и узкая серая юбка, а также туфли на низком каблуке и сумка в тон вкупе с отсутствием макияжа и гладко зачесанными в тугой пучок волосами должны сделать ее незаметной.

Она назвала свое имя – и имя человека, с которым должна встретиться – высокомерной служащей у входа. Женщина удивленно подняла брови, когда Алекса произнесла имя Гая де Рошмона, и окинула скептическим взглядом скромную внешность Алексы. Тем не менее она направила младшую дежурную в зал для избранных, а когда ей доложили, что такая скучная на вид девушка действительно приглашена Гаем де Рошмоном, то выражение ее лица сделалось еще более скептическим.

– Это деловая встреча, – зачем-то уточнила Алекса и пожалела о сказанном.

Ей должно быть безразлично, что о ней думает эта высокомерная служащая в роскошном заведении.

Алексу провели в бар, где было очень шумно и толпилось огромное множество людей. Она еле заметно усмехнулась. Да она и пенни в таком месте не потратила бы, даже если у нее было бы достаточно денег, чтобы здесь пообедать. Сплошная показуха.

Неужели ее возможный заказчик завсегдатай подобных мест? Быстрым взглядом она окинула зал, ища глазами человека, который соответствовал бы образу, столь красочно описанному Имоджен. Подходящих мужчин было предостаточно. Если самозначимость имеет массу, то общий вес важ-



ных особ в этом помещении вполне мог бы потопить «Титаник». И несомненно, эгоизм Гая де Рошмона составил бы основную тяжесть. Итак, который из них он? Да любой, так как все мужчины выглядели богатыми, лощеными и абсолютно самовлюбленными.

– Месье де Рошмон? – обратилась служащая к мужчине, сидевшему за низким столиком.

То, что прозвучало в ответ, было сказано по-французски и так быстро, что Алекса не смогла уловить смысла. Мужчину она не разглядела, поскольку он сидел к ней спиной. Он кивнул. Алексу жестом пригласили пройти вперед. Она подошла к свободному креслу с другой стороны стола и села, пристроив сумку сбоку.

– Добрый вечер, – произнесла она уверенным тоном. И подняла глаза на сидящего напротив. Ей показалось, что у нее просто отвисла челюсть.

«О боже, Имоджен, ты права...» – пронеслось в мозгу.

Куда подевался ее скептицизм при виде Гая де Рошмона? Как подобрать подходящие слова, чтобы описать собственное состояние? Зрительное впечатление было ошеломляющим: как может быть, чтобы черты лица, обычные для каждого человека – глаза, нос, рот, – соединились таким образом, что... Алекса не находила объяснения увиденному.

Взгляд скользил по скульптурно вылепленному лицу, вбирая в себя все: разлет бровей, прямой тонкий нос, красиво очерченный рот, резкую линию скул, черные волосы, безуко-

ризенную прическу. Алекса была не в состоянии пошевелиться — она была во власти исходивших от Гая де Рошмона флюидов.

Он привстал при ее появлении, но тут же сел, когда села она, и небрежно, но грациозно откинулся в мягком низком кресле, заложив ногу за ногу. Руки лежали на подлокотниках, и вся поза говорила о том, что он вполне доволен обстановкой и приятно проводит время.

Его поза... Именно таким следует запечатлеть Гая де Рошмона на портрете. Она слегка прищурилась, изучая его. Ее охватило волнение. Такое обычно случалось, когда она начинала работать, но сейчас с ней творится что-то особенное. Она все ощущала по-другому... более глубоко...

Да, совершенно по-другому. Она это сразу поняла. Она никогда в жизни ни на кого так не реагировала, но сейчас не время об этом размышлять. Позже она все обдумает. А сейчас... Сейчас она должна внимательно взглядеться в это необычное лицо. Такое необычное, что она просто поедает его глазами.

Вдруг до нее дошло, что это неприлично. Усилием воли она заставила себя прекратить разглядывание. Но как трудно это сделать, когда хочется одного: смотреть и смотреть на него, впитывая в себя удивительные черты.

Какого цвета его глаза? Невероятно, но понять это она не смогла. Она вновь впилась в него взглядом. Что она делает? Сеанс портретной живописи у них еще не начался.

Алекса выпрямила спину и заставила себя вежливо и по-деловому улыбнуться.

– Насколько я поняла, вы хотели бы заказать свой портрет? – спросила она, чувствуя, к своему огромному облегчению, что голос у нее тверд.

Гай де Рошмон не сразу ей ответил. Он продолжал сидеть, не меняя позы, и с таким видом, словно не считал, что ее долгое разглядывание, по меньшей мере, странно. Но возможно, пауза длилась всего несколько секунд, затем его губы дрогнули в такой же вежливой, как у Алексы, улыбке, и он сказал:

– Да, меня убедили проявить подобное тщеславие. Портрет будет подарком моей матери, чтобы сделать ей приятное.

В его голосе слышался не только легкий иностранный акцент, но и некоторая насмешка.

И еще. От тембра его голоса Алексу охватили непонятные ощущения. Она постаралась не придавать этому значения, кивнула в ответ и снова вежливо улыбнулась.

– Господин де Рошмон, я обычно предупреждаю клиентов – конечно, если вы пожелаете поручить мне этот заказ – относительно времени, которое необходимо посвятить позированию. Я, разумеется, сознаю, что это вас озадачит, но тем не менее...

Он поднял ладонь. Длинную, узкую, с ухоженными ногтями.

– Что бы вы хотели выпить, мисс Харкорт?

Алекса замолкла, не договорив.

– Нет-нет, благодарю, но боюсь, что вынуждена отказаться.

Гай де Рошмон удивленно поднял брови. Алекса поймала себя на том, что снова не может отвести от него глаз. Такое простое, едва заметное движение бровями мгновенно изменило выражение лица – он был не только удивлен, но ее отказ показался ему забавным.

– *Domage*<sup>5</sup>, – пробормотал он и посмотрел на нее.

«У него зеленые глаза. Зеленые, как вода в глубоком лесном пруду, в котором можно утонуть», – подумала Алекса и заставила себя вынырнуть из этого изумрудного пруда.

– Работа над портретом полностью зависит от количества и частоты сеансов. Я понимаю, что для вас это может быть утомительно, но...

И снова Гай де Рошмон прервал ее. Его, видно, совсем не интересовали практические стороны того, как он будет позировать, чтобы его облик наилучшим образом был увековечен на портрете, предназначенном для подарка матери.

– Мисс Харкорт, скажите мне, почему, по вашему мнению, я выбрал именно вас для этой работы?

До сего момента предметом изучения был он, а наблюдателем была она. А сейчас неожиданно они поменялись ролями.

Гай де Рошмон пристально смотрел на нее своими изу-

---

<sup>5</sup> Жаль (*фр.*).

мрудными глазами. У Алексы перехватило дыхание. Слова роились в голове, а горло сдавило. Господи, он такой...

Определить, какой же он, она не смогла. Все, на что она сейчас способна, это позволить Гаю де Рошмону смотреть на нее.

И не просто смотреть, а оценивать. Эти мысли как в тумане пронесли в голове.

Внутри зрел протест. Одно дело, когда она изучает его внешность – ей это необходимо для портрета. Но совершенно другое дело, когда он точно так же разглядывает ее. Ей, конечно, понятно, почему он это делает. Человек такой значимости, финансовый олигарх, да еще с внешностью кинозвезды... Он считает, что имеет на это полное право.

Она сжала губы, и глаза у нее засверкали. Но она подавила эмоции. Она ни за что не покажет ему, как он на нее действует. Нет, он нисколько ее не волнует – просто у него такая необычная внешность, а ей, как художнику, необходимо получше его изучить. Вот и все. Но так ли это?

Алекса взяла себя в руки, подавила волнение, которое породили в ее душе эти потрясающие глаза.

– На этот вопрос отвечать не мне, месье де Рошмон, – сказала она. – Выбор художника полностью зависит от вас. Заказчик вы. А моя задача в том, чтобы мои планы совпадали с вашими.

Голос звучит твердо. Алекса была собой довольна. Да, Гай де Рошмон такой... Нет, не стоит подбирать определение, и

без этого все ясно. Но она не станет мириться с тем, что он старательно ее изучает. Правда, ей это безразлично. Что он увидел? Скромно одетую, ненакрашенную женщину, которая не приложила ни малейших усилий к тому, чтобы хоть чуть-чуть понравиться. Таким образом, она всем своим видом показывает, что мужчины ее не интересуют. Даже такой представитель сильного пола, который может выбирать самых красивых женщин во всем мире.

«А если его обидел мой ответ?» – подумала Алекса. Но она не нуждается в этом заказе, а если возьмется написать его портрет... Не торопится ли она? Получит ли она этот заказ? Такой человек, как он, не привык, чтобы ему отвечали небрежно и бесцеремонно. В общем, если он все же захочет, чтобы она писала его портрет, то она не станет ему потворствовать. Сеансы, несомненно, будут отменяться и переноситься – так поступали все ее заказчики. Это понятно, учитывая его высокое положение в финансовом мире. С этим она смирится. Но ни в коем случае не допустит, чтобы он ею помыкал. И уж точно она не станет выпрашивать у него этот заказ. Нет уж, увольте! Она предлагает услугу, свое искусство художника. Если клиент хочет это купить – прекрасно. Если нет – на нет и суда нет.

Алекса хладнокровно встретила его взгляд. Он молчал, а она, как ей казалось, держалась спокойно и уверенно. Его блестящие глаза заволокла дымка, словно он что-то прятал от нее.

«То ли он сердится, то ли равнодушен. Я не могу его понять», – подумала Алекса.

Для нее это не было необычным, учитывая значительность ее клиентов. Влиятельные люди часто закрыты для общения, уклончивы и непонятны окружающим. В их манерах чувствуется сдерживаемая властность. Все это она старалась отразить в портретах. Алекса позволяла себе немного польстить им, придавая их облику некоторую загадочность.

Но в случае с Гаем де Рошмоном все сложнее – он очень умело маскирует свои чувства. Узнать что-либо по выражению его лица невозможно. Эта таинственность притягивала. Но Алекса не могла не почувствовать, что он держит дистанцию и показывает окружающим только то, что считает необходимым в данный момент.

Тут он снова заговорил, и на его лице отразилось... оживленное внимание. Алекса не могла обмануться – это именно так. Пусть не явный, но тем не менее интерес очевиден. Она увидела это в прищуре его глаз, в изгибе твердо очерченных губ. И еще – она увидела едва заметное удивление.

Понятно почему – он не привык, чтобы ему так отвечали, да к тому же женщина.

Она ощутила удовлетворение, но лишь на секунду. Господи, не все ли ей равно, привык этот человек к подобным ответам или нет?

– Вы не любите обмениваться мнениями, мисс Харкорт?

Алекса пожала плечами:

– Зачем? Если вам нравятся мои работы, вы делаете заказ. Либо нет. Все очень просто.

– Разумеется, – несколько холодно пробормотал он.

Длинные пальцы обвили ножку бокала с мартини. С задумчивым видом он поднес бокал ко рту, затем снова поставил на стол. Взгляд, устремленный на Алексу, был по-прежнему бесстрастен. Потом, словно придя к какому-то решению, он встал.

Алекса сделала то же самое.

«Понятно, – подумала она. – Никакого заказа. Ну и что? Имоджен рассердится на меня, но я рада, что так получилось».

Но почему в глубине души зреет едва различимое совершенно противоположное чувство? Сейчас не время в этом разбираться, но что это?

Сожаление.

«Не будь дурочкой, – строго приказала себе Алекса. – Это всего лишь заказ. У тебя их были десятки и будет даже больше. То, что в отличие от остальных клиентов этот молод и до невозможности красив, ничего не значит. Абсолютно ничего».

Он заговорил, и она прекратила пустые размышления.

– Итак, мисс Харкорт, полагаю, что мы закончили необходимый обмен мнениями?

Гай де Рошмон протянул руку, и она заставила себя ответить рукопожатием, но поскорее отняла свою руку.



– Да, конечно. – Алекса взяла с кресла сумочку, собираясь уйти.

– Я поручу своей помощнице позвонить вашему агенту и договориться о первом сеансе, как только это совпадет с нашими с вами планами. Вас это устраивает, мисс Харкорт?

Неужели ей опять слышались насмешливые нотки? И при этом совершенно непроницаемый взгляд.

– Да... благодарю вас, – ответила она, радуясь тому, что, несмотря на волнение, голос не дрогнул.

– Хорошо, – произнес он таким тоном, словно считал вопрос исчерпанным.

Вдруг взгляд его устремился куда-то в сторону, как будто Алекса перестала существовать.

– Гай! Милый!

Не замечая присутствия Алексы, к Гаю, источая запах тяжелых духов, подплыла женщина и обняла его изящными загорелыми руками в браслетах. Еще Алекса успела заметить узкое облегающее платье из черного шелка и длинные пышные черные волосы. Лицо женщины было ей знакомо. Кто она? Да ведь это Карла Креспи! Итальянская кинозвезда, роковая женщина. Правда, Алекса не видела ни одного из ее фильмов, так как они не в ее вкусе, но не знать об этой актрисе было просто невозможно.

Алекса развернулась, чтобы уйти. Разумеется, у такого мужчины, как Гай де Рошмон, должна быть соответствующая поклонница: популярная и модная особа. И обожающая

его. Приз для первоклассных мужчин.

Актриса разразилась потоком слов на итальянском. Она говорила слишком громко, явно для публики. Еще бы! Ей надо показать себя, показать, с каким она мужчиной. Алекса решительно сунула под мышку сумку и направилась к выходу. Почему-то она расстроилась. Какая ерунда!

Но она смутилась и пришла бы в замешательство, если бы увидела, что Гай де Рошмон освободился от объятий Карлы Креспи и, задумчиво прищурившись, смотрел ей вслед, когда она пробиралась к выходу. В зеленых как изумруды глазах застыло едва заметное удивление.

Имоджен ликовала. У подруги триумф! Правда, Алекса так это не воспринимала, несмотря на гонорар, о котором договаривалась Имоджен и который был намного выше тех, что Алекса до сих пор получала.

– Ну, разве я не говорила, что тебя ждет грандиозный успех? – торжествовала Имоджен. – Ты сможешь сама назначать любую цену. Ты становишься модным портретистом!

– Спасибо, – сухо поблагодарила подругу Алекса. – Но я думала, что дело не в моде, а в моем таланте.

– Да, да, да. Но блестящих художников хоть пруд пруди, и онидохнут от голода на чердаках среди своих шедевров. Алекса, не забывай, что искусство – это рынок. И ты должна работать на этот рынок. Держись меня, и в один прекрасный день ты будешь стоить триллионы! И я тоже!

Но Алекса лишь покачала головой, отказываясь обсуждать предмет, относительно которого у нее с подругой были прямо противоположные мнения. И своего последнего клиента она тоже не стала обсуждать, хотя Имоджен изо всех сил пыталась выжать из нее все подробности встречи.

– Послушай, он на самом деле такой, как ты говорила. Довольна? Фантастически красивый и богатый как Крёз. И что из этого? Я его рисую, и это все. Он будет опаздывать на сеансы, отменять их, но, так или иначе, я закончу портрет, получу гонорар, и конец этой истории. Ему нужен портрет, чтобы подарить матери. Возможно, он будет висеть в ее будуаре или в холле родового замка. Я этого не знаю, и мне все равно. Я никогда больше не увижу этого портрета, так что давай закончим.

– М-м-м... – промычала Имоджен, не обратив внимания на последние слова Алексы, и мечтательно закатив глаза. – Все эти сеансы один на один с ним... Близкое общение, пока он тебе позирует...

– Никакого близкого общения. Исключительно профессиональное, – уточнила Алекса.

– Ох, Алекса, перестань! – воскликнула подруга. – И не говори мне, что ты не рухнешь без чувств, если он за тобой приударит. Даже ты не устоишь. Даже ты! Но имей в виду... – Она окинула Алексу критическим взглядом. – Хотя в таком виде у тебя нет шансов.

«Точно, – подумала Алекса. – В любом случае мужчина,

по которому сохнет Карла Креспи, никогда не взглянет ни на какую другую женщину. В Гае де Рошмоне меня интересует только одно: удастся ли мне похоже изобразить его на портрете».

До сих пор ей удавалось передать характер клиентов, не акцентируя внимания на физических недостатках, если они имелись. А здесь другое. Она воспроизводила в памяти его лицо и спрашивала себя, сможет ли она уловить и запечатлеть сущность этого потрясающе красивого человека.

С самого начала ее мучили сомнения. Как она и предполагала, первый сеанс он пропустил, а на следующий опоздал на полтора часа. Когда наконец прибыл, то вел себя так, словно находился в офисе, бесконечно разговаривая по мобильному телефону на всевозможных иностранных языках. Тем не менее Алекса сделала несколько предварительных набросков.

– Я могу взглянуть? – спросил он, и по его тону было ясно, что это не просьба.

Алекса молча протянула ему альбом и, пока он бегло просматривал рисунки, наблюдала за ним.

Она использовала карандаш и уголь, сочтя, что это лучше передает его сущность. Правда, боялась, что когда начнет писать маслом на холсте, как бы он не стал выглядеть нереально красивым. Люди подумают, что она беззастенчиво ему польстила.

Но разве возможно польстить Гаю де Рошмону? То необычное впечатление, которое он на нее произвел при пер-

вой встрече, не уменьшилось ни на йоту. Стоило ему появиться в ее мастерской, как она не смогла оторвать от него глаз. Ей хотелось впитать в себя каждую его черту.

Когда зазвонил его мобильник и он, бросив отрывистое «простите», начал быстро говорить по-французски, она даже обрадовалась возможности незаметно понаблюдать за ним. Хотя рука инстинктивно потянулась к альбому и карандашу.

Проглядывая позже плоды ее усилий, он не выказал своего отношения к наброскам, так что она понятия не имела, одобряет он то, что она сделала, или нет.

«Если ему не нравится то, как я рисую, пусть откажется от моих услуг!» – подумала она. Странно, такие вызывающие мысли ее не посещали, когда она работала над портретами других клиентов.

Но такого клиента, как Гай де Рошмон, у нее никогда не было.

Сеансы продолжались, скачкообразные и прерывистые, как она и предполагала, поскольку его график мог радикально меняться каждый день. Алекса вдруг поняла, что он начал ее волновать. Ее охватило раздражение, поскольку это нарушало душевное равновесие. Но к счастью, он этого не мог заметить – во время сеансов она по-прежнему держалась отстраненно, была неразговорчива. Впрочем, как и он.

Обычно он приезжал с личной помощницей или секретарем и почти постоянно разговаривал с ними на языке, которого Алекса не понимала. Секретарь и помощница записы-

вали сказанное им под диктовку или делали заметки. Он отвечал на телефонные звонки и звонил сам. Один раз он извинился перед Алексой, когда приехал второй помощник с ноутбуком. Поработав на компьютере, Гай защелкнул крышку и снова принял заданную позу. Алекса ничего на это не сказала. Она вообще предпочитала с ним не разговаривать и сводила общение только к самым необходимым репликам.

Но это не помогало. Совсем не помогало.

Гай де Рошмон волновал ее, но она не хотела этого признавать.

Зато об этом догадалась Имоджен.

– Конечно, он тебе нравится! – ликовала она. – Признавайся! Почему же тогда ты огрызаешься на меня, когда я произношу его имя? Верный знак. – Она шумно выдохнула. – Увы. Он влюблен в Карлу Креспи. А она от радости распушила перышки и позирует вместе с ним перед каждой камерой, какую только может найти. Или купить. Даже с твоей красотой – если ты озаботишься тем, чтобы представить себя в выгодном свете – ты не могла бы с ней соперничать.

Алекса упрямо сжала губы и не поддавалась на провокацию. У нее хватало проблем и без того, чтобы заводится из-за приставаний Имоджен.

Портрет не получался.

Алекса не сразу это поняла. Предварительные наброски вышли неплохо, ей казалось, что удалось уловить особенности удивительного лица Гая де Рошмона. Но когда она нача-

ла писать маслом, ей перестало что-либо удаваться. Алекса решила, что все дело в краске – масло не подходит для такого типа лица.

Затем спустя какое-то время до нее дошло – и это ее ужаснуло, – что дело не в краске, а в ней.

«Я не могу понять его сущность!»

Она стала изучать то, что уже нарисовала. Внутри зрела досада и раздражение.

«Почему я не могу выполнить эту работу? Почему? В чем дело?»

Ответа не было. Она попыталась сделать все заново, на свежем холсте, и всю ночь провела в мастерской, используя первоначальные наброски. Вторая попытка тоже провалилась. Алекса безнадежно вглядывалась в работу, сердилась, пока наконец не поняла, что у нее ничего не получится, как бы она ни старалась. Она не может написать портрет Гая де Рошмона.

Ни с натуры, ни с набросков, ни по памяти.

Ни при помощи сновидений.

Вот это-то и было самым страшным – то, что он начал ей сниться. Ей снилось, как она его рисует. Беспокойные сны нарушали ее душевное равновесие. Сначала она уговаривала себя, что это естественная реакция мозга найти выход из тупика, поскольку наяву ее художественное творчество зашло в тупик.

Но потом, когда он приснился ей в третий раз, а у нее сно-

ва ничего не получилось, она поняла, что потерпела неудачу и ничего не остается, как признать это.

Гордость была уязвлена. Неужели придется отказаться от заказа? Она никогда прежде так не поступала. Это абсолютно непрофессиональный подход, но разве профессионально представить некачественную работу? Это не в ее правилах. Выходит, у нее нет альтернативы – придется признать, что она не может написать портрет.

Придя к такому выводу, она долго мучилась, каким образом сообщить об этом Гаю де Рошмону. Подождать, когда он появится на следующем сеансе, и тогда извиниться? Но ей придется извиняться в присутствии его помощницы или секретаря. Или – что намного хуже – попросить его о встрече наедине? Трусливая мысль – перепоручить это Имоджен – тоже ее посетила. В конце концов, Имоджен – ее агент. Но Алекса знала наверняка, что Имоджен не допустит, чтобы она сдалась. Нет, ей придется стиснуть зубы и самой решить эту проблему, потому что нечестно заставлять человека, у которого практически нет свободного времени, приезжать к ней и позировать, а потом объявить ему, что она аннулирует заказ.

И Алекса позвонила ему в офис.

Помощница в свойственной ей высокомерной манере сообщила, что мистера де Рошмона нет в Англии и что до следующего сеанса маловероятно договориться о личной встрече с ним.



Алекса очень удивилась, когда помощница позже перезвонила ей с сообщением, что Гаю было бы удобно принять Алексу через неделю в шесть вечера. Алекса уже хотела сказать, что ее это время не устраивает, но воздержалась. Чем скорее с этим покончить, тем лучше.

Когда она появилась в лондонском отделении банка «Рошмон-Лоренц», то ей пришлось добрых полчаса ждать в вестибюле. Наконец в сияющем бронзой лифте она поднялась на двадцатый этаж. Алекса прошла через двойные двери красного дерева в кабинет Гая.

Заходящее солнце светило в зеркальные оконные стекла. Гай де Рошмон встал из-за письменного стола размером с автомобиль. Расстояние от стола до двери было не меньше теннисной площадки.

– Мисс Харкорт.

Он шел ей навстречу, мягко ступая по толстому пушистому ковру, подобно леопарду. Голос звучал ровно, костюм сидел безукоризненно, облекая худошавую фигуру, как перчатка.

И опять Алекса не могла отвести от него глаз. Она упивалась им. Кровь стучала в жилах, когда она смотрела, как он пересекает комнату. Мысли, обгоняя друг друга, смешались в голове.

«Вожак стаи... Здесь он верховный правитель. Здесь деньги, власть, богатство и привилегии».

Он подошел к ней и протянул руку с длинными пальцами.

Она машинально взяла его ладонь. Лучше бы она этого не делала! Лучше бы не ощутила силу этого рукопожатия!

Он смотрел на нее, сверля глазами. Зелеными как изумруды глазами. А ресницы? Эти невероятно длинные ресницы... И поволока на глазах, сквозь которую она не может проникнуть.

– У вас проблема?

Откуда он знает? Она же ничего – совсем ничего! – не сказала о том, что ее мучит.

Прямота Гая поставила ее в тупик. Но тем не менее она ответила. Правда, немного отодвинувшись от него. Так она чувствовала себя увереннее.

– Боюсь, что проблема есть. – Голос прозвучал натянуто. А могло ли быть по-другому? Она собирается отказать богатому и влиятельному клиенту, чей портрет – как без устали ей напоминала Имоджен – обеспечивал художнику невиданный финансовый успех.

Он слегка приподнял бровь, но ничего не сказал.

Как он воспримет то, что она собирается ему сообщить? Ведь он потерял попусту свое драгоценное время. И что из этого вышло? Ничего. Неудивительно, если он разозлится.

Впервые ей стало страшно. Но не оттого, что придется признать свою несостоятельность, а потому, что Гай де Рошмон может погубить ее карьеру, объявить, что она ненадежная художница.

Алекса сделала для храбрости глубокий вдох. Она обяза-

на сказать ему правду. И незамедлительно. Он ждет от нее объяснений. И получит их.

– Я не могу написать ваш портрет.

Выражение его лица не изменилось. Он секунду помолчал. Затем, внимательно глядя на нее, произнес:

– Почему?

– Потому что не могу. – Алекса понимала, что это звучит глупо, но как объяснить? Она снова глубоко вдохнула и отрывисто сказала: – Я не могу вас рисовать. Я пыталась изо всех сил, но ничего не получается. Мне очень жаль, но я должна отказаться от заказа. Я не могу допустить, чтобы вы тратили свое время.

Она ждала ответа. Ответ будет неприятный, но кто же его в этом обвинит? Он ценит свое время, а она и так злоупотребила им. Алекса почувствовала, как напряглись от ожидания грозы ее плечи.

Но его реакция оказалась совершенно не такой, к чему она приготовилась. Он вернулся к письменному столу, жестом указал на громадное кожаное кресло наискосок от стола, затем уселся в еще более громадное кресло за столом.

– Творческий кризис, – равнодушно произнес он. – *Ne vous inquiïtez pas*<sup>6</sup>.

Алекса уставилась на него:

– Вы не поняли. Я действительно не могу написать ваш портрет. Мне очень жаль.

---

<sup>6</sup> Не беспокойтесь (*фр.*).

Он улыбнулся:

– *Pas de tout*<sup>7</sup>. Пожалуйста, присядьте. Кофе или, может, что-то спиртное, поскольку уже вечер?

Она стояла не двигаясь.

– Месье де Рошмон, я вынуждена настоять на том, чтобы аннулировать заказ. Я не могу написать ваш портрет. Это невозможно! Абсолютно невозможно!

Она почти перешла на крик. Вот ужас! Ей хотелось убежать, но как? Гай де Рошмон ждет, что она подойдет к столу и сядет. Не помня себя, Алекса именно так и поступила. Она буквально плюхнулась в кресло, сжимая в руке сумку.

Он пристально смотрел на нее, и она, как и прежде, не могла ничего понять по взгляду этих непостижимых глаз.

– Хорошо. Если вы пришли к такому решению, то у меня нет причин его не уважать. А теперь скажите мне, мисс Харкорт, сегодня вечером вы свободны?

Алекса непонимающе уставилась на него. Какое это имеет отношение к портрету?

Он расценил ее молчание как отказ.

– А я подумал, – продолжал он, не сводя глаз с ее лица, – не согласились бы вы стать моей гостьей. Уверен, что это вас заинтересовало бы. Это открытие выставки «Революция и романтизм: искусство в период правления Наполеона». Компания «Рошмон-Лоренц» является одним из основных спонсоров.

---

<sup>7</sup> Вовсе нет (*фр.*).

Алекса замерла. Потом произнесла первое, что пришло в голову:

– Я не одета для приема.

И снова на губах Гая де Рошмона проскользнула вежливая улыбка.

– *Pas de probleme*<sup>8</sup>, – сказал он.

Да, проблем не было. И это Алекса поняла в течение следующего часа, когда произошло чудесное превращение Золушки в принцессу. Ее провели в апартаменты, занимающие бóльшую часть административного этажа. Там появились стилист с двумя помощницами, парикмахер и визажист с передвижным гардеробом вечерних нарядов.

Когда спустя час она вошла в приемную, Гай де Рошмон разговаривал по телефону за пустым столом секретаря. Он поднял голову и сказал только одно слово.

Его глаза, эти зеленые загадочные глаза остановились на ней всего на одно мгновение. Он увидел стройную фигуру в шелковом желто-коричневом платье с глубоким вырезом, но без рукавов. Высокая прическа, макияж, от чего глаза сделались бездонными как океан.

Он подошел к ней и сказал:

– Наконец.

И он имел в виду вовсе не то, что она заставила его ждать.

Гай с удовлетворением смотрел на стоящую перед ним

---

<sup>8</sup> Без проблем (*фр.*).

женщину. Во время сеансов у него было достаточно времени, чтобы внимательно ее изучить. А в вечернем наряде Алекса Харкорт оправдала все его ожидания.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.